

ГРАФЪ ВИКТОРЪ НИКИТИЧЪ ПАНИНЪ.

Характеристическій очеркъ по рассказамъ, моимъ запискамъ и воспоминаніямъ.

—

Графъ В. Н. Панинъ былъ человѣкомъ выдающимся во всѣхъ отношеніяхъ изъ ряда обыкновенныхъ людей. Онъ былъ огромнаго роста, который какъ будто увеличивался еще отъ нестройности его фигуры (онъ былъ сутуловатъ); голосъ у него былъ внушительный басъ, рѣчь была плавная. Онъ обладалъ изумительнымъ и чарующимъ краснорѣчіемъ, именно сжатостью выраженія, красотою слова, удачнымъ подборомъ эпитетовъ, сосредоточенностью мысли и ясностью того, о чемъ хотѣлъ говорить, такъ что, еслибы стенографъ записывалъ его рѣчь, то конечно для печати почти не пришлось бы переставлять ни одного слова, тогда какъ его письменный слогъ не имѣлъ приблизительно и тѣхъ достоинствъ, которыми отличалась его устная рѣчь (впрочемъ онъ и не упражнялся въ литературныхъ занятіяхъ). Память у него была необыкновенная. Образование было классическое *). Онъ обладалъ знаніемъ обоихъ древнихъ языковъ и легко усвоилъ себѣ первоклассные Европейскіе языки. Его начитанность была обширная, преимущественно въ области исторіи и изящной литературы. Всю жизнь онъ особенно интересовался вѣшной политикой. Политическіе листы иностранныхъ газетъ, особенно «Times», онъ прочитывалъ отъ доски до доски. Его не устрашали никакіе томы.

Такъ, когда онъ былъ назначенъ товарищемъ министра юстиціи, въ 1832 году, предварительно своего вступленія въ должность, испро-

*) Отъ покойнаго М. И. Топильскаго слышали мы, что, обучаясь въ Іенѣ, графъ В. Н. Панинъ находился подъ нѣкотораго рода надзоромъ жившаго по сосѣдству, въ Веймарѣ, Гёте, котораго просилъ о томъ другъ его молодости, Московскій профессоръ Лодеръ. П. Б.

сивъ разрѣшеніе на продолжительный отпускъ, онъ удалился на все время въ свое подмосковное имѣніе (Марейно) и тамъ прочелъ подъ рядъ весь Сводъ Законовъ. Уголовные и гражданскіе законы онъ почти выучилъ наизусть и зналъ ихъ отлично. Объ этомъ своемъ подвигѣ онъ любилъ даже сообщать приближеннымъ къ нему лицамъ.

По какимъ-то своимъ особымъ наблюденіямъ онъ увѣрился въ томъ, что, для изученія дѣла, какъ бы сложно оно ни было, потребно не болѣе двухъ недѣль времени, и съ этимъ соображалъ сроки, когда назначалъ кому-нибудь изъ своихъ подчиненныхъ работу, что часто ставило ихъ въ немалое затрудненіе. Онъ былъ очень близорукъ и когда подъ старость лѣтъ зрѣніе совсѣмъ измѣнило ему (что относили къ неумѣренному его чтенію, особенно мелкой печати нѣкоторыхъ заграничныхъ газетъ) онъ занималъ чтеца.

Однако знанія пріобрѣтаемыя чтеніемъ какъ-то не перерабатывались его натурою, а оставались размѣщенными въ углахъ его богатой памяти, подобно книгамъ на полкахъ хорошо снабженной библіотеки. У него можно сказать не было никакого міровоззрѣнія. Воспитаніе его, сообразно той эпохѣ въ Россіи, когда онъ родился и проводилъ молодость среди высшаго общества, было болѣе Европейское, нежели Русское.

Въ образѣ жизни, при утонченной вѣжливости, онъ былъ недоступный аристократъ, дѣлавшійся съ теченіемъ времени, можно сказать, все болѣе и болѣе нелюдимымъ, такъ что сношенія съ нимъ тѣхъ, кои по рожденію не принадлежали къ аристократическому кругу, дѣлались почти невозможными. Гордость происхожденія заставляла его считать лицо не его круга простолюдиномъ, а людей низшихъ сословій онъ принималъ какъ бы за существа другого порядка творенія. Къ образованнымъ молодымъ людямъ, какого бы положенія они ни были, и въ свой поздній возрастъ, онъ выказывалъ однако особое расположеніе. Къ нимъ вообще онъ былъ снисходителенъ. Въ обществѣ высшаго круга, которое онъ единственно и посѣщалъ, видали его нерѣдко уединившимся отъ всѣхъ и долго бесѣдующимъ вдвоемъ съ какимъ-нибудь юношею, котораго онъ встрѣчалъ случайно, въ первый разъ и который удостоился обратить на себя почему-либо его вниманіе.

Въ началѣ своего управленія Министерствомъ Юстиціи онъ предпочиталъ предоставлять молодымъ людямъ исполнять при немъ нѣкоторыя служебныя обязанности, и мнѣ удалось испытать на себѣ его снисхожденіе къ молодежи.

По выпускѣ изъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея я былъ опредѣленъ въ 1843 году на службу въ уголовное отдѣленіе един-

ственного департамента Министерства Юстиціи, въ которомъ и состоялъ до конца 1846 года и вскорѣ былъ внесенъ въ списокъ чиновниковъ наряжавшихся къ графу Панину на дежурство въ тѣ дни, когда онъ принималъ просителей и другихъ лицъ. Въ этотъ списокъ входили, по его приказанію, исключительно молодые люди, кончившіе курсъ наукъ въ Университетѣ, Лицеѣ и Училищѣ Правовѣдѣнія и вообще въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Пріемъ у графа продолжался съ 10-го часа утра до 3-хъ и 4-хъ часовъ по полудни. Обязанность дежурныхъ состояла въ томъ, чтобы отъ времени до времени, по мѣрѣ того какъ накопится до десяти посѣтителей или болѣе въ пріемной залѣ, входить съ докладомъ о томъ въ кабинетъ графа, гдѣ во все время пріема онъ сидѣлъ обыкновенно за разсмотрѣніемъ дѣлъ и подписаніемъ бумагъ, и когда затѣмъ выходилъ изъ кабинета въ залу для выслушиванія просителей всякаго званія, принимать отъ него поданныя ему бумаги и устные приказанія, и, по внесеніи бумагъ въ реестръ, передавать все по принадлежности въ регистратуру департамента Министерства Юстиціи. Если графъ самъ объявлялъ до срока (что впрочемъ случалось очень рѣдко), что больше по чему-либо принимать не будетъ, то дежурный тѣмъ самымъ освобождался отъ своихъ обязанностей и могъ тотчасъ, по сдачѣ бумагъ, ѣхать домой. На одномъ изъ такихъ дежурствъ, послѣ того что графъ выходилъ уже нѣсколько разъ изъ кабинета къ просителямъ, прошло какъ-то болѣе часа времени, что никто вновь не являлся. Не зная еще хорошо нрава и обычаевъ графа и соскучившись сидѣть напрасно безъ дѣла, я не задумываясь вошелъ къ нему въ кабинетъ. Онъ неожиданно для меня хотя и ласково спросилъ: «что вамъ угодно?» Это мгновенно навело меня на размышленія; я пришелъ въ смущеніе и не зналъ, что сказать. На повторенный вопросъ я нашелся сказать только, что въ залѣ никого нѣтъ. Графъ сказалъ: «такъ зачѣмъ же вы вошли?» Тогда я уже рѣшился откровенно объяснить, что послѣ такого долгаго промежутка времени, въ который больше никто не являлся (чего въ мои дежурства никогда не случалось) нельзя уже ожидать еще просителей. Графъ: «такъ что же вы думаете?» Я отвѣчалъ: «думаю, что время всегда драгоцѣнно для человѣка и что такъ сидѣть или прохаживаться по комнатѣ, безъ дѣла, въ напрасномъ ожиданіи, есть совершенная и невозвратимая потеря времени». Графъ засмѣялся и сказалъ: «Вы совершенно правы, я съ вами согласенъ—времени никогда терять не должно. Чего же вы хотите?» Я признался, что желалъ бы ѣхать домой, что у меня было тамъ дѣло, возложенное на меня, для обработки его, начальникомъ отдѣленія (въ которомъ я тогда состоялъ, не занимая еще никакой штатной должности). Графъ:

«Я очень счастливъ, если могу доставить вамъ удовольствіе возвратиться домой; но въ такомъ случаѣ вы позволите и мнѣ тоже удалиться отсюда?» Замѣтивъ, что я сконфузился и не находилъ отвѣта, онъ ласково протянулъ мнѣ руку и отпустилъ съ дежурства, прибавивъ: «поѣзжайте съ Богомъ и скажите, что я ушелъ». Выйдя изъ кабинета и пройдя пріемную залу, я столкнулся съ Михаиломъ Ивановичемъ Топильскимъ (тогда правителемъ канцеляріи и довѣреннымъ уже лицомъ графа Панина, бывшимъ потомъ вице-директоромъ и директоромъ департамента Министерства Юстиціи, а наконецъ сенаторомъ). Онъ несся съ портфелемъ бумагъ къ графу. Я предупредилъ его, что графъ ушелъ изъ кабинета во внутренніе покои. М. И. Топильской спросилъ меня: «а вы куда идете?» я отвѣчалъ: «домой» и сталъ разказывать ему обо всемъ случившемся. Сначала онъ отпрянулъ отъ меня въ испугѣ, такъ какъ всегда принималъ въ судьбѣ моей теплое участіе; выслушавъ же мой подробный разказъ до конца, воскликнулъ: «Счастливы же вы! Это бываетъ-рѣдко, такой развязки нельзя было и ожидать; значить, графъ былъ въ духѣ».

Въ 1843 году графъ Панинъ вздумалъ замѣнять довольно пожилыхъ людей, не получившихъ высшаго образованія и занимавшихъ притомъ высшія въ губерніяхъ Россіи должности по его вѣдомству (какъ-то прокуроровъ, товарищей предсѣдателей судебныхъ палатъ и губернскихъ стряпчихъ) молодыми людьми, кончившими курсъ въ высшихъ гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ, и велѣлъ составить и подать себѣ списки всѣмъ такимъ молодымъ людямъ, служившимъ какъ въ департаментѣ Министерства Юстиціи, такъ и въ Сенатѣ, и первый жребій палъ на меня. Къ счастію въ этотъ разъ М. И. Топильской предупредилъ меня по желанію графа, что ему угодно назначить меня губерскимъ уголовныхъ дѣлъ стряпчимъ въ Смоленскъ. Не говоря о томъ, что семейныя обстоятельства не позволяли мнѣ тогда удалиться въ глушь совершенно чужой для меня губерніи, при отсутствіи въ то время желѣзныхъ путей въ Россіи, я опасался принять это мѣсто, сознавая мою неопытность въ производствѣ дѣлъ и знаніи людей, и особенно въ виду того, что губерскимъ стряпчимъ, и преимущественно уголовнымъ, поручалось губерскимъ правленіемъ производство слѣдствій по особенно важнымъ или сложнымъ дѣламъ, требовавшее тонкаго знанія всякихъ формальностей, сопряженныхъ съ слѣдственной практикой, причемъ въ тѣ времена не было ничего легче какъ, при малѣйшей оплошности или неосторожности, самому слѣдователю попасть подъ слѣдствіе и судъ. Поэтому я отказался отъ сдѣланнаго мнѣ предложенія. М. И. Топильской употребилъ всю силу убѣжденія къ склоненію меня принять предлагавшееся мѣсто; но я остался непре-

клоненъ; тогда онъ доложилъ о моемъ отказѣ графу, и мнѣ былъ данъ отвѣтъ, что пока графъ будетъ министромъ юстиціи, я не получу въ департаментѣ никакой должности. Это однако не помѣшало мнѣ, по прошествіи нѣкотораго времени, именно въ 1844 году, занять въ уголовномъ же отдѣленіи прямо мѣсто старшаго помощника столоначальника, и хотя я былъ имъ назначенъ въ отсутствіи графа, который былъ тогда за границей, его товарищемъ Василиемъ Александровичемъ Шереметевымъ, исправлявшимъ его должность; но, до оставленія графомъ поста министра юстиціи въ концѣ 1862 года, я продолжалъ во все время пользоваться его благоволеніемъ, которое обнаружилось съ самаго начала, при первомъ его со мною обращеніи по обязанностямъ службы; а это доказываетъ, скажу мимоходомъ, какъ и многіе другіе, болѣе значительные случаи, что, будучи неумолимъ во взысканіяхъ, которымъ доводилось ему лично подвергать своихъ подчиненныхъ, онъ никогда злопамятенъ не былъ. Затѣмъ послѣ меня выборъ на Смоленскую вакансію палъ на старшаго помощника столоначальника Магнуса, который не задолго передъ тѣмъ, помнится, при покровительствѣ бывшаго тогда директоромъ департамента Бориса Карловича Данзаса, былъ переведенъ изъ провинціи на службу въ Петербургъ, особенно дорожилъ этимъ и, не желая опять переселяться въ провинцію, также какъ и я отказался, но былъ менѣе меня счастливъ: потому что графъ по докладѣ ему объ этомъ, уже разгнѣванный однимъ отказомъ, приказалъ ему, чрезъ М. И. Топильскаго, подать тотчасъ прошеніе объ увольненіи отъ занимаемой имъ должности, вслѣдствіе чего онъ и былъ немедленно уволенъ изъ Министерства Юстиціи. Наконецъ, графъ остановилъ свой выборъ на окончившемъ курсъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія Николаѣ Александровичѣ Замятинѣ, который въ послѣдствіи былъ директоромъ одного изъ департаментовъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ при министрѣ Петрѣ Александровичѣ Валуевѣ. Н. А. Замятинъ тоже хотѣлъ отклонить отъ себя это предложеніе; но М. И. Топильской, объяснивъ ему, что графъ откажется больше не принимаетъ, не взялъ на себя докладывать ему объ этомъ, а доставилъ Замятину случай самому объяснить лично о своемъ нежеланіи графу Панину, котораго убѣдительная рѣчь и пріемъ полный благоволенія такъ подѣйствовали на Замятину, что онъ рѣшился принять предложенное мѣсто въ Смоленскѣ; но это не помѣшало ему быть вскорѣ привлечену тамъ къ суду по какому-то дѣлу, такъ что движеніе его по службѣ было этимъ остановлено на нѣкоторое и довольно продолжительное время.

Огромное большинство губернскихъ, а особенно уѣздныхъ чиновниковъ Министерства Юстиціи не было вовсе знакомо графу. По-

этому при столкновѣніяхъ по службѣ съ высшимъ начальствомъ другихъ вѣдомствъ, когда о томъ доходило до графа Павина, онъ не отстаивалъ служащихъ у него, а обыкновенно выдавалъ ихъ головою. Онъ любилъ переводить подвѣдомственныхъ ему высшихъ губернскихъ чиновниковъ съ мѣста на мѣсто, хотя бы и равное одно другому, и не только изъ губерніи въ губернію, но и изъ одного края въ другой, самый отдаленный край Россіи, безъ предваренія о такомъ внезапномъ переводѣ, для того, какъ онъ выражался, «чтобъ не залеживались и не заживались въ одной мѣстности». Графъ считалъ это вреднымъ для службы, а иногда перемѣщалъ служащихъ по причинамъ, которыя только ему и М. И. Топильскому были извѣстны.

Такіе переводы, при скудныхъ въ то время содержаніяхъ вообще чиновниковъ Министерства Юстиціи, объ уравниеніи которыхъ относительно ихъ окладовъ съ служившими въ другихъ вѣдомствахъ графъ никогда и не заботился, раззоряли переводимыхъ имъ лицъ, особенно если кромѣ жалованья они ничѣмъ обезпечены не были, что даже вынуждало иныхъ оставлять службу въ Министерствѣ Юстиціи и изыскивать какіе-нибудь другіе способы къ прокормленію себя или своихъ семействъ *).

Графъ Павинъ не жаловалъ на гражданской службѣ лицъ изъ духовнаго званія, хотя бы они окончили свое образованіе въ университетѣ или другихъ высшихъ гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Имъ обыкновенно онъ не давалъ у себя хода.

Замкнутость въ своемъ кругу и отчужденность отъ общества лишили его возможности понимать людей и распознавать ихъ непосредственно. Совершенное же невѣдѣніе ихъ быта отнимало у него способъ входить въ ихъ положеніе и нужды, тѣмъ болѣе, что самъ онъ обладалъ большимъ недвижимымъ состояніемъ, до 21-й тысячи душъ, при умѣренныхъ оброкахъ, и располагалъ ежегоднымъ доходомъ отъ 127 до 136 тысячъ рублей, который весь и проживалъ. Эта разница полученія дохода происходила отъ того, что часть его имѣній, впрочемъ очень незначительная, оставалась на запанкѣ, и доходы съ нея состояли въ зависимости отъ урожаевъ. При этомъ у него опредѣлена была особая сумма, которая расходовалась исключительно на дѣла благотворенія.

Нелюдимость графа Павина и отчужденность сдѣлали изъ него, если можно такъ выразиться, *отвлеченнаго* человѣка.

*) Извѣстно, что въ уѣздныхъ судахъ въ то время была штатная должность (разумѣется писари), съ окладомъ жалованья по 75 коп. въ мѣсяцъ, и находились люди, въ приниженомъ конечно общественномъ положеніи, которые занимали и эти мѣста.

Когда приходилось ему принимать участіе въ засѣданіяхъ государственныхъ учреждений, комитетахъ или комиссій и возражать противъ положеній, не заслужившихъ его одобренія, онъ, при своемъ удивительномъ дарѣ слова, мастерски извлекалъ сущность изъ всѣхъ различныхъ мнѣній, высказанныхъ другими, развивалъ ясно и послѣдовательно свою мысль, но приходилъ иногда къ такому неожиданному заключенію, что связать его съ тѣмъ къ чему онъ клонилъ свою рѣчь не было никакой возможности, а еще менѣе привести въ дѣйствіе его предложеніе.

Онъ какъ будто никогда не предвидѣлъ, что къ исполненію имъ задуманнаго могутъ встрѣтиться препятствія и даже, по объясненіи ему дѣла съ практической стороны, иногда не могъ представить себѣ ясно указываемыхъ ему препятствій.

Такая непрактичность и природная, довольно большая его разсѣянность породили въ немъ странности и дѣлали его большимъ оригиналомъ. Анекдотамъ, ходившимъ объ немъ въ обществѣ, не было конца, и они вызывали своихъ собирателей.

Ходилъ въ свое время разсказъ, что, оставаясь однажды на все лѣто въ Петербургѣ, въ самомъ городѣ (потому что его семейство пребывало за границей), графъ сталъ тяготиться своимъ одиночествомъ. Тогда онъ поручилъ экзекутору и казначею департамента Министерства Юстиціи, Ивану Матвѣевичу Лалаеву купить нѣсколько попугаевъ порѣчиствѣ и велѣлъ разставить ихъ въ клѣткахъ у себя по разнымъ комнатамъ. Во время его занятій, когда, утомленный долгимъ сидѣніемъ, онъ вставалъ, чтобы пройтись по заламъ своей просторной квартиры, бывшей тогда въ домѣ Министерства Юстиціи, попугаи начинали кричать и болтали. Это настолько утѣшало его, что онъ говорилъ М. И. Топильскому, что одиночество стало для него легче съ тѣхъ поръ какъ у него попугаи, что онъ слышитъ у себя какъ бы живую рѣчь и чувствуетъ, что онъ не одинъ...

Когда Герценъ издавалъ за границей свой «Колоколъ» и предметомъ своего остроумія и насмѣшекъ избиралъ состоявшихъ тогда у насъ во власти лицъ и особенно не давалъ покоя графу Панину, послѣдній прилежно читалъ «Колоколъ» и, нисколько не раздражаясь противъ его издателя, довольно добродушно говорилъ состоявшему при немъ безсмѣнно М. И. Топильскому: «Полезно и вамъ послушать иногда и прочитать, что объ насъ думаютъ и говорятъ другіе, здѣсь и за границей».

Характерныя и прекрасныя черты воспитанія того времени, въ которое протекали дни его первой молодости, а именно страхъ Божій, повиновеніе родителямъ и почтеніе къ старшимъ, переродились въ немъ

въ педантизмъ и такой особый формализмъ, что у него составились своеобразныя понятія объ исполненіи служебныхъ обязанностей, или вообще какого бы то ни было долга. Такъ сохранилось преданіе о дняхъ его юности, что когда онъ, отъ 1824 до 1826 года, состоялъ вторымъ секретаремъ при нашемъ посольствѣ въ Мадридъ и по неважности нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Испаніей, служба, оставляя много свободного времени, казалась ему слишкомъ легкою: то съ цѣлью наложенія на себя болѣея тяготы, онъ установилъ добровольно свое особое, совершенно безполезное, дежурство, на подобіе тѣхъ, какія были учреждены у насъ въ канцеляріяхъ или департаментахъ министерствъ, и для того въ назначенные имъ дни недѣли приходилъ съ подушкой въ пріемную посольства и оставался тамъ цѣлые сутки не раздѣваясь на ночь, и лишь утромъ другаго дня, разумѣется никѣмъ не смѣняемый, самъ смѣнялъ себя съ дежурства.

При этомъ однакоже, устанавливая самъ для своихъ подчиненныхъ формальности, которыя считалъ въ извѣстныхъ, частныхъ только случаяхъ, необходимыми, онъ не требовалъ соблюденія бюрократическихъ формальностей, вообще мало ему извѣстныхъ, не требовалъ и особой тщательности въ перепискѣ представляемыхъ ему бумагъ, лишь бы онѣ были четко написаны, а на сохраненіе порядка въ служебныхъ мелочахъ и вовсе почти не обращалъ вниманія.

На его письменномъ столѣ, въ кабинетѣ, гдѣ складывались дѣловыя бумаги, царствовалъ постоянно такой беспорядокъ, что пролежавшую тамъ нѣсколько дней бумагу часто невозможно было и найти. Если туда попадало какое-нибудь прошеніе или записка, оставленная графомъ у себя для прочтенія и встрѣчалась надобность ускорить, по чьей-либо просьбѣ, ихъ движеніе: то самъ М. И. Топильской, имѣвшій во всякое время входъ въ кабинетъ графа, отказывался отъ разысканія бумаги и просилъ, если только можно было, представить вновь то что было написано графу.

Еще въ бытность директоромъ департамента Министерства Юстиціи Матвѣя Михайловича Карніолинъ-Пинскаго, одинъ изъ начальниковъ отдѣленія (которые тогда сами докладывали дѣла министру) представилъ графу Панину, по безотлагательному его требованію, какую-то по дѣлу для подписи бумагу. Въ тотъ же день какъ она была представлена, графъ позабылъ о ней, но чрезъ нѣсколько времени хватился ея и, вызвавъ къ себѣ начальника отдѣленія, спрашивалъ, почему имъ не исполнено его приказаніе? Послѣдній доложилъ, что представилъ графу бумагу, вслѣдъ за приказаніемъ, такого-то числа. Графъ сказалъ ему, что не помнитъ и бумаги не видалъ. Когда начальникъ отдѣленія оставался при своемъ утвержденіи, графъ предо-

ставилъ ему розыскивать бумагу на его письменномъ столѣ и вышелъ на то время изъ кабинета. По возвращеніи туда спросилъ, найдена ли бумага? Получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ отпустилъ начальника отдѣленія и, пригласивъ директора департамента, поручилъ ему сдѣлать распоряженіе объ увольненіи начальника отдѣленія отъ службы. М. М. Пинскій, жалтя способнаго и полезнаго чиновника, притомъ еще и неповиннаго, отсрочивалъ представленіе доклада объ его увольненіи, въ надеждѣ, что бумага можетъ быть отыщется. Графъ, вспомнивъ самъ о происшествіи, повторилъ свое требованіе и, несмотря на ходатайство М. М. Пинскаго о снисхожденіи къ этому чиновнику, назначилъ уже день, въ который докладъ долженъ быть ему представленъ. Между тѣмъ, кажется наканунѣ того дня, камердинеръ графа, принявшись случайно, вслѣдствіе напавшаго на него усердія, за обметаніе пыли во всѣхъ углахъ кабинета и отнимая для того отъ спинки кресла у письменнаго стола подушку (которая, по тогдашнему устройству покойныхъ креселъ, привязывалась тесемками къ рѣшетчатой ихъ спинкѣ) замѣтилъ завалившуюся туда бумагу и, предполагая, что она можетъ быть нужная, отнесъ ее тотчасъ къ Топильскому (бывшему тогда еще правителемъ канцеляріи министра), а послѣдній передалъ ее директору. Бумага оказалась тою самою, которая была представлена графу начальникомъ отдѣленія подвергшимся опалѣ. Пинскій, исполнивъ приказаніе графа, вошелъ къ нему въ назначенный день съ докладомъ объ увольненіи опальнаго и объяснилъ притомъ, что требовавшаяся бумага нашлась въ кабинетѣ графа между подушкой и спинкой его кресла. Тогда графъ, сначала удивленный, вскорѣ припомнилъ, что, въ день представленія ему затеравшейся бумаги, онъ уѣзжалъ на вечеръ и возвратился домой около двухъ часовъ пополудни, и тутъ хватившись бумаги, которую не успѣлъ еще рассмотреть, принялся за ея чтеніе, но утомленный по позднему времени, задремалъ, и вѣроятно эта бумага, выскользнувъ у него изъ рукъ, упала за подушку кресла, на которомъ онъ сидѣлъ. Сообщивъ объ этомъ Пинскому и разрѣшивъ затѣмъ оставить на службѣ назначавшагося къ удаленію отъ нея начальника отдѣленія, онъ прибавилъ: «я радъ, что этотъ случай избавляетъ его отъ законной ответственности».

Въ слѣдствіе строгаго отношенія ко всякимъ обязанностямъ и неуклоннаго исполненія разъ даннаго имъ слова, чего бы оно ему ни стоило, у него образовался характеръ суровый—Спартакскій.

Наталкиваясь какъ бы случайно на разныя событія жизни (потому что внутренняя ихъ связь, вслѣдствіе отчужденія его отъ дѣйствительности, всегда отъ него ускользала), онъ усваивалъ себѣ пра-

вила поведенія, между которыми также, большею частію, не было ни послѣдовательности, ни связи. Онъ оставался однако неизмѣнно и постоянно вѣренъ этимъ правиламъ, и не только самъ строго исполнялъ ихъ, но и отъ другихъ, отъ него зависѣвшихъ лицъ, требовалъ строгаго исполненія. Поэтому въ служебныхъ отношеніяхъ съ подчиненными онъ являлся совершеннымъ деспотомъ.

Таковъ былъ въ общихъ чертахъ образъ и характеръ графа В. Н. Панина.

Служба при немъ была конечно тяжела и даже невыносима для человѣка желающаго быть сколько-нибудь независимымъ.

Въ продолженіе первой половины своего болѣе 20-ти лѣтняго управленія Министерствомъ Юстиціи, съ 1839 года по конецъ 1862 года, онъ принималъ доклады, кромѣ директора департамента, еще отъ вице-директора, начальниковъ отдѣленій и правителя канцеляріи, стоявшаго въ іерархической лѣстницѣ наравнѣ съ начальниками отдѣленій. Во второй же половинѣ министерствованія графа къ нему имѣлъ всегдашній доступъ только директоръ департамента Министерства Юстиціи М. И. Топильской, и всѣ личныя сношенія съ графомъ служащихъ въ его вѣдомствѣ прекратились, такъ что всякіе переговоры съ нимъ о дѣлахъ происходили единственно чрезъ посредство директора. Изъ сенаторовъ имѣли входъ къ нему немногіе, — только тѣ, которые по своимъ связямъ въ высшемъ кругу были ему лично знакомы. Приближеніе человѣка къ себѣ онъ считалъ какимъ-то особымъ дѣйствіемъ, требующимъ времени, постепенности и нѣкоторыхъ испытаній; это невольно напоминало обстановленное церемоніаломъ принятіе новичка въ какую-нибудь масонскую ложу.

Онъ былъ проникнутъ безавѣтною преданностію къ представителю верховной власти. Волю Государя считалъ священною и форму монархическаго неограниченнаго правленія признавалъ самой лучшей изъ всѣхъ формъ государственнаго правленія. Высочайшія повелѣнія онъ исполнялъ буквально, безъ разсужденія, требуя того же и при исполненіи, подвѣдомыми ему лицами, своихъ приказаній; поэтому онъ преимущественно цѣнилъ въ подчиненномъ безотвѣтную покорность и соблюденіе тайны во всемъ, чтѣ ввѣрялось ему по дѣламъ службы, сообразно присягѣ, повторявшейся тогда каждымъ служащимъ не только при всякомъ назначеніи на новую должность, но и при производствѣ въ каждый слѣдующій чинъ. Высшимъ же достоинствомъ служащаго при немъ чиновника графъ Панинъ ставилъ личную преданность къ себѣ (какъ ея требовалъ отъ всѣхъ его окружавшихъ), и нерѣдко возлагалъ на чиновниковъ, съ коими ближе обращался, и свои собственные домашнія порученія наравнѣ съ казенными. Директоръ де-

партамента М. И. Топильской не только завѣдывалъ конторою по управленію его имѣніями, но былъ вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы и управителемъ его дома; а экзекуторъ и казначей департамента Министерства Юстиціи Иванъ Матвѣевичъ Лалаевъ исполнялъ постоянно порученія графа относительно устройства его квартиры, смотрѣнія за нею, закупки и заказовъ принадлежностей домашняго обихода. Впрочемъ графъ не оставлялъ такихъ личныхъ услугъ безъ вознагражденія изъ своихъ собственныхъ средствъ, или назначалъ за то особенное свое постоянное и опредѣленное жалованье, или дѣлалъ по своему усмотрѣнію отъ времени до времени подарки и денежные выдачи.

Когда онъ задумалъ оставить свою казенную квартиру и переезжалъ на жительство въ собственный домъ на Фонтанкѣ, у Сименовскаго моста (гдѣ и оставался жить до конца своихъ дней), ему пришла мысль украсить получше стѣны своихъ покоевъ. Въ живописи онъ понималъ очень мало и чувствомъ изящнаго отъ природы особенно одаренъ не былъ. Тогда онъ призвалъ къ себѣ И. М. Лалаева и почитъ ему отправиться въ Гостинный Дворъ, на Щукпнъ и Апраксинъ, и тамъ въ лавкахъ, гдѣ торгуютъ старыми картинами, поискать и купить ему картинъ, какія найдутся, старыхъ извѣстныхъ художниковъ, имена которыхъ онъ тутъ же сталъ называть ему. Экзекуторъ, совсѣмъ уже незнакомый съ исторіей искусствъ и не отличавшій конечно великихъ мастеровъ, терялся и мысленно повторялъ за графомъ произносимыя послѣднимъ во время отдачи приказанія имена, а когда вышелъ отъ него, то продолжалъ на лѣстницѣ твердить ихъ наизусть, но тутъ былъ позванъ для какого-то дѣла по своей службѣ, а когда кончилъ его, то всѣ полузатверженные имена вышли у него изъ памяти. Столкнувшись случайно вслѣдъ затѣмъ со мною въ департаментѣ министерства, смущенный и разстроенный, онъ открылъ мнѣ свою печаль и свое безвыходное положеніе, какъ ему исполнить порученіе графа. Я сталъ называть ему, сколько помню, имена: Тициана, Рембрандта, Корреджіо, Рубенса, Рюисдаля, Грѣза и нѣсколькихъ другихъ. Онъ, по временамъ перебивая меня, восклицалъ: «Онъ самый!... этого, кажется, онъ и называлъ!» Убѣдившись однако въ тщетныхъ успѣхахъ его памяти, я посоветывалъ ему поискать и пригласить кого-нибудь изъ Академіи Художествъ, хотя и неособенно важнаго художника, и обойти съ нимъ лавочки старыхъ картинъ и вмѣстѣ поискать желаемыхъ графомъ мастеровъ. Этимъ совѣтомъ Лалаевъ остался очень доволенъ; но мнѣ не пришлось потомъ узнать, чѣмъ кончился этотъ эпизодъ и насколько удалось ему въ этихъ обстоятельствахъ угодить графу.

Когда графъ Панинъ возлагалъ на кого-нибудь порученіе по службѣ, онъ не имѣлъ обыкновенія предварять намѣченное для того лицо, но разъ сдѣлавъ къ тому распоряженіе, онъ уже не принималъ никакихъ самыхъ уважительныхъ причинъ отказа со стороны избраннаго имъ лица. Если ему представляли семейныя обстоятельства или просили облегченія при исполненіи обязанной чиновнику по болѣзни, онъ обыкновенно отвѣчалъ, что «служба не богадѣльня».

Устные по службѣ сношенія и объясненія съ графомъ, кромѣ какъ въ самыхъ экстренныхъ и только, по понятію его самого, важныхъ случаяхъ, происходившія во второй половинѣ его управленія министерствомъ, всегда чрезъ третье лицо, чрезъ Топильскаго (которому самое дѣло было иногда совершенно чуждо), подавали очень часто поводъ къ болѣе или менѣе важнымъ недеразумѣніямъ, отъ которыхъ происходили комическія сцены, а иногда и драматическія положенія, заставлявшія служащаго внезапно выйти изъ службы и остаться можно сказать на улицѣ, при недостаточности средствъ къ существованію.

Разъ данную имъ на представленномъ докладѣ или вступившей бумагѣ резолюцію графъ уже не считалъ возможнымъ измѣнить, полагая, что этимъ умалилъ бы достоинство своего званія и положенія, хотя бы такая резолюція была дана имъ по ошибкѣ или недоразумѣнію, или была бы и вовсе неисполнима.

Однажды, напримѣръ, одинъ изъ начальниковъ отдѣленія департамента Министерства Юстиціи подалъ графу Панину просьбу о разрѣшеніи ему отпуска на четыре мѣсяца, вслѣдствіе тяжелой болѣзни (кажется чахотки), требовавшей, по заключенію врачей, продолжительнаго пребыванія въ южномъ климатѣ. Графъ на докладѣ представленномъ ему объ этомъ написалъ почему-то: «разрѣшить отпускъ Г.», который былъ въ то время тоже начальникомъ, но другаго отдѣленія. Когда послѣднему была объявлена резолюція, онъ, немало тому удивленный, объяснилъ директору департамента, что онъ не просился въ отпускъ, и ѣхать ему некуда и не зачѣмъ, что ему пришлось бы напрасно лишиться своего содержанія за четыре мѣсяца, такъ какъ при такомъ срокѣ отпуска жалованье по закону не выдается, и потому просилъ доложить объ этомъ графу Панину. Топильской отказался входить къ министру съ докладомъ объ этомъ, доказывая, что это бесполезно, что графъ ни за что своей резолюціи не измѣнитъ и уговорилъ Г. удалиться отъ дѣлъ недѣли на двѣ или на три, ибо отдыхъ трудящимся всегда полезенъ, и затѣмъ написать министру рапортъ, что, получивъ облегченіе отъ болѣзни, онъ прежде истечения срока отпуска возвратился къ своимъ обязанностямъ, чѣмъ самымъ

устранялось по закону препятствіе къ полученію имъ жалованья, слѣдовавшаго за проведенное имъ въ отпускъ время; а о томъ начальникъ отдѣленія, котораго отпускъ вызывался необходимостью, былъ представленъ графу Панину, по новой о томъ просьбѣ и по прошествіи нѣкотораго времени, особый докладъ.

Въ другой разъ, спустя послѣ того много лѣтъ, когда графъ Панинъ былъ уже предсѣдателемъ комиссій по крестьянскому дѣлу, надлежало выдать Деноткину, содержателю частной типографіи, работавшей на комиссіи, на основаніи сдѣланнаго разсчета, 1.500 рублей. Графъ на представленной ему о томъ бумагѣ написалъ: «Выдать деньги г-ну Домонтовичу», который былъ тогда членомъ Редакціонныхъ Комиссій и никакими счетами типографіи не завѣдывалъ; по разъясненіи же этого недоразумѣнія далъ все-таки такую резолюцію — «выдать деньги Домонтовичу, съ тѣмъ, чтобъ онъ передалъ ихъ Деноткину».

Окруженный съ самаго начала, съ тѣхъ поръ какъ былъ назначенъ министромъ юстиціи, немногими только, состоявшими въ непосредственныхъ съ нимъ сношеніяхъ, лицами, графъ В. Н. Панинъ, вслѣдствіе недосыгаемости до него, представлялся огромному большинству чиновниковъ его вѣдомства какимъ-то богомъ Олимпа, и какъ мифы передавались рассказы о его чрезвычайныхъ дѣйствіяхъ. Многіе изъ служащихъ никогда его не видали, поэтому господствующимъ въ нихъ чувствомъ къ нему былъ страхъ. Впрочемъ, этотъ страхъ былъ общій. Отъ него не были свободны и тѣ, которымъ приходилось быть въ непосредственныхъ и частыхъ съ нимъ сношеніяхъ по службѣ, равно какъ и тѣ, которые лишь отъ времени до времени попадались ему на глаза. Такъ Топильской былъ одержимъ всегдашнимъ страхомъ, какъ бы не забыть чего-нибудь, что приказалъ графъ или не со всею точностью исполнить его приказаніе, или наконецъ чѣмъ-нибудь не угодить ему. Я помню, въ началѣ моей службы, помощникомъ экзекутора И. М. Лалаева нѣкоего Сердюкова, Малоросса по происхожденію. Какъ только приходилось ему произносить своимъ Малороссійскимъ выговоромъ слово «грахвъ», онъ мгновенно вытягивался, закрывалъ глаза и можно сказать замиралъ; а если при какомъ-нибудь разговорѣ о другомъ лицѣ до уха его долетало слово графъ, руки его опускались по швамъ, и онъ становился въ позу военного человѣка, отдающаго честь какъ бы кому-то невидимому: ему тотчасъ представлялся графъ В. Н. Панинъ, котораго иначе какъ «грахвъ» онъ не позволялъ себѣ и называть, забывая въ то время, что есть на свѣтѣ и другіе графы.

Отношенія графа Панина къ подчиненнымъ, не имѣвшимъ непосредственнаго къ нему доступа, были разнообразны.

Надо отдать ему справедливость, что къ состоявшимъ долго на службѣ въ Министерствѣ Юстиціи и Сенатѣ, именно десятки лѣтъ, особенно если эти лица занимали такое продолжительное время одну и ту же должность, онъ относился съ большимъ уваженіемъ и оказывалъ имъ особое вниманіе и снисхожденіе.

Губернскихъ чиновниковъ, зависѣвшихъ отъ его назначенія, хотя бы они и долго служили, онъ, безъ спроса ихъ и предваренія, переводилъ отъ времени до времени съ мѣста на мѣсто, чаще всего равное одно другому на іерархической лѣстницѣ службы. Прочихъ же, какъ напримѣръ уѣздныхъ, онъ не зналъ вовсе и о нихъ не заботился.

Всякій письменный служебный трудъ, доходившій до его разсмотрѣнія, онъ цѣнилъ по достоинству, и за большую и хорошо исполненную работу иногда устно чрезъ Топильскаго, а иногда и письменно изъявлялъ свою признательность, которую въ такомъ случаѣ считалъ за высшую награду для трудившагося. Закономъ установленныя почетныя или денежныя награды отъ правительства (послѣднихъ онъ въ особенности не любилъ), или туго служившимъ тогда въ департаментѣ Министерства Юстиціи и консулѣ (это тоже, что совѣтъ при другихъ министрахъ) и еще ту же въ Сенатѣ, а по вѣдомству министерства очень рѣдко, и немногіе удостоивались этихъ наградъ изъ губернскихъ чиновниковъ. Уѣздные же не знали ихъ вовсе.

Того, чья работа попадалась неоднократно графу на глаза и ему нравилась, онъ приближалъ къ себѣ. Это приближеніе знаменовалось расположеніемъ его двигать такое лицо довольно быстро по ступенямъ служебной іерархіи. Прежде всего онъ обыкновенно приказывалъ внести его въ списокъ чиновниковъ, докладывавшихъ дѣла на консулѣ и возлагалъ на него, сверхъ обязанностей по занимаемой имъ должности, самыя разнообразныя служебныя порученія, исполненіемъ которыхъ былъ особенно заинтересованъ. Возлагая порученія, графъ очень рѣдко, въ самыхъ важныхъ по его мнѣнію случаяхъ, допускалъ такое лицо до себя для объясненій. Далѣе этого приближеніе не простиралось. Обратившему на себя его вниманіе приходилось до вѣкоторой степени проститься съ своимъ покоемъ. Онъ лишался его не потому, чтобъ графъ часто отрывалъ отъ дѣла или обременялъ порученіями, а потому что эти порученія подходили совершенно неожиданно, въ неудобную минуту жизни, когда напримѣръ не здоровится самому, или болѣзнь въ домѣ, или нельзя почему-либо покинуть семейство, или наконецъ есть неотложныя хлопоты по домашнимъ дѣламъ. Предупреждать же заранѣе, какъ выше объяснено, о возложеніи порученія не было въ обычаѣ, и отказъ отъ него не допускался. Тутъ никакія обстоятельства не принимались въ соображеніе. Притомъ же

эти порученія давались графомъ почти всегда чрезъ посредство третьяго лица, поэтому не рѣдко довольно неопредѣленно. Когда на примѣръ дѣло шло объ извлеченіи и доставленіи графу какихъ-либо документовъ, онъ по своей непрактичности не умѣлъ чаще всего дать заранѣе самому себѣ отчета, въ какомъ видѣ онъ желалъ бы, чтобы они были ему представлены. Тогда исполнявшему его порученіе приходилось придумывать такую форму и систематическій порядокъ расположенія этихъ свѣдѣній, которые были бы самыми удобными для графа. Иногда Топильской, не усвоивъ себѣ вполне чего требовалъ графъ, передавалъ порученіе въ самыхъ общихъ чертахъ, прибавляя: «а ужъ тамъ какъ надо сдѣлать, придумайте сами». Тогда предстояла трудная задача отгадать мысли графа, чтобы угодить ему. Если порученіе было экстренное, вслѣдствіе на примѣръ какого-нибудь неожиданнаго событія, которому графъ придавалъ особую важность, онъ требовалъ тайны, рекомендуя Топильскому умолчать о томъ или другомъ и скрыть до времени предъ тѣмъ лицомъ, кому давалось порученіе, въ чемъ оно заключается. Въ иное время, когда всякій зналъ, что порученіе не можетъ быть возложено иначе какъ отъ имени графа, онъ посылалъ Топильскаго передать его тому, кто долженъ его исполнить, какъ-нибудь *стороной*, какъ будто оно исходило не отъ графа. Тогда Топильской при передачѣ порученія, обыкновенно путался, не договаривалъ, а часто изъ словъ его ужъ и совсѣмъ нельзя было понять, чего желаетъ графъ. Затрудненія увеличивались, когда порученіе давалось въ отъѣздъ.

Такъ въ 1862 году, по донесенію губернскаго прокурора министру юстиціи, возникло дѣло о Тверскихъ мировыхъ посредникахъ, возбудившихъ въ продолженіе исполненія положеній 19-го Февраля 1861 года вопросъ о необходимости обязательнаго для крестьянъ выкупа состоявшихъ у нихъ въ пользованіи земель и о настоятельности немедленнаго отвода ихъ надѣловъ къ однимъ мѣстамъ. Нѣкоторые посредники по общему согласію подписали постановленіе, чтобы представить о томъ высшему правительству. Это было принято въ Петербургѣ за возбужденіе народа противъ власти и за неповиновеніе уставамъ 19-го Февраля. Дѣло было раздуто *). Графъ Павинъ и бывший тогда министръ внутреннихъ дѣлъ представили его такъ, что было повелѣно посредниковъ, которыхъ число было 13, немедленно арестовать и заключить въ крѣпость, съ преданіемъ суду Правительствующаго Сената; а между тѣмъ для разбора дѣла было опредѣлено составить комиссію, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Анненкова, бывшаго тогда государственнымъ контролеромъ, изъ оберъ-прокурора,

*) До того, что Тверскому губернатору, графу П. Т. Баранову, разрѣшено было, въ случаѣ надобности, употребить воинскую силу. (Слышано отъ Ю. В. Толстаго). П. Б.

одного оберъ-секретаря, одного секретаря Сената и сверхъ того депутата отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Будучи тогда оберъ-прокуроромъ Сената и не зная ничего обо всемъ этомъ, я неожиданно получилъ съ курьеромъ, поздно вечеромъ, записку отъ М. И. Топильскаго пожаловать къ нему на другой же день въ 8 часовъ утра по приказанію министра юстиціи. Проведя ночь въ нѣкоторой тревогѣ, я поспѣшилъ, вставъ очень рано, исполнить приказаніе графа; но вслѣдствіе разницы моихъ часовъ съ министерскими, опоздалъ ровно на четыре минуты. М. И. Топильской встрѣтилъ меня на порогѣ своей квартиры въ домѣ Министерства Юстиціи совѣмъ готовый уже ѣхать за мной, въ мѣховомъ пальто и шапкѣ на головѣ. Былъ Февраль мѣсяцъ въ первой половинѣ. Обрадованный и успокоенный моимъ все-таки своевременнымъ прибытіемъ, онъ поспѣшилъ ввести меня въ свой кабинетъ и крѣпко затворилъ двери. Я, озадаченный его встрѣчей и такой поспѣшностью, спросилъ, отчего во мнѣ такая экстренная необходимость? Топильской сообщилъ, что графъ приказалъ ему передать мнѣ по секрету, чтобъ я приготовился къ выѣзду по Высочайшему повелѣнію въ 24 часа изъ Петербурга, что графу угодно, чтобъ отъ меня было скрыто до времени, по какому случаю я долженъ выѣхать и даже о томъ, куда я поѣду. Хотя я не зналъ за собой никакого проступка, а тѣмъ менѣе преступленія, все-таки въ первую минуту я остолебѣлъ, а затѣмъ объяснилъ М. И. Топильскому, что такое невѣдѣніе объ ожидающей меня судьбѣ невыносимо. Топильской настаивалъ, что не можетъ сказать ничего больше, что исполнилъ приказаніе графа, который назначилъ мнѣ быть у него въ тотъ же день, въ 6 часовъ пополудни и намѣренъ самъ сообщить мнѣ все нужное. Я возразилъ, что еслибъ я былъ еще одинъ, мнѣ было бы легче, но у меня семья изъ трехъ дѣтей и молодая жена, что я не буду знать, что отвѣчать ей на ея распросы, что извѣстіе о такомъ моемъ внезапномъ отъѣздѣ можетъ привести ее въ испугъ, опасный здоровью. Тогда Топильской, который зналъ жену мою лично, задумался и, предваривъ, что просить хранить все что будетъ сказано между нами въ глубочайшей тайнѣ, сообщилъ, что на меня возлагается по Высочайшему повелѣнію особое весьма важное порученіе. На это я замѣтилъ, что это можетъ успокоить меня только въ одномъ, что я выѣду не съ жандармами изъ Петербурга, что узнать объ этомъ конечно ужъ очень много для меня; но что для снаряженія себя въ путь, такъ какъ на дворѣ была еще зима, этого совершенно недостаточно, что если я командируюсь въ даль (а путь, по громадному протяженію Россіи, лежитъ до Камчатки и Курильскихъ острововъ, даже до Сѣверной Америки), то заготовленіе дорожныхъ принадлежностей должно

быть одно, а если куда-нибудь по близости, то другое; что для нужныхъ закупокъ я имѣю одно утро, а послѣ свиданія съ графомъ Панинымъ, когда я окончу свои разъѣзды по дѣлу на меня возлагаемому, останется только ночь. Эти практическія соображенія сильнѣе всего подѣйствовали на Топильскаго, и онъ, говоря съ нѣкоторымъ страхомъ: «между нами, Бога ради между нами», досказалъ мнѣ, что я долженъ выѣхать на другой же день съ почтовымъ поѣздомъ по Николаевской желѣзной дорогѣ до мѣста между Петербургомъ и Москвою. Добиваться большаго я уже не рѣшился, да конечно и не добился бы. На этомъ я и расстался съ Топильскимъ. Между тѣмъ, какъ мнѣ сказывали потомъ, частныя сообщенія по телеграфу между Москвою и Петербургомъ уже были тогда прерваны по особому распоряженію на трое сутокъ.

Послѣ 6 часовъ пополудни (ибо графъ принялъ меня почему-то позже чѣмъ назначилъ), изъ необыкновенной по оригинальности устной его инструкции, которая была тогда же въ точности мною записана и хранится въ моихъ бумагахъ, я узналъ немного болѣе чѣмъ отъ М. И. Топильскаго, именно, что мнѣ надо ѣхать въ Тверь при генераль-адъютантѣ Анненковѣ, къ которому графъ поручилъ мнѣ явиться въ тотъ же вечеръ, сказавъ, что отъ него я узнаю положеніе дѣла, и тутъ же приказалъ Топильскому сдѣлать распоряженія о командированіи мнѣ въ помощь оберъ-секретаря и секретаря Сената. Генераль-адъютантъ Анненковъ (для свиданія съ которымъ, по приказанію графа, чтобы только захватить его дома) я потерялъ еще нѣсколько часовъ времени, замѣтивъ изъ разговора со мною, что министръ юстиціи, мой начальникъ, не передалъ мнѣ обстоятельствъ дѣла и не распорядился даже предъявленіемъ мнѣ бумагъ, изъ которыхъ оно возникло, формализировался и былъ очень сдержанъ въ разговорѣ, такъ что отъ него я возвратился почти съ тѣми же скудными свѣдѣніями о предстоящемъ намъ дѣлѣ, которыя получилъ отъ графа. Командированные уже совершенно внезапно въ этотъ промежутокъ времени бывший оберъ-секретарь 4-го гражданскаго департамента Сената Александръ Николаевичъ Сальковъ и 1-го отдѣленія 5-го уголовнаго Шишкинъ, перепуганные еще больше меня, въ неизвѣстности когда, куда и зачѣмъ поѣдутъ, явились ко мнѣ уже въ 3-мъ часу пополудни. Я не могъ конечно сообщить имъ для успокоенія ничего болѣе какъ то, что мы выѣзжаемъ на другой день съ почтовымъ поѣздомъ въ Тверь при генераль-адъютантѣ Анненковѣ производить слѣдствіе надъ тамошними посредниками по крестьянскому дѣлу, неизвѣстно мнѣ еще за что привлеченными къ отвѣтственности и по

какому дѣлу, и что поэтому нельзя предположить и приблизительно, сколько времени продлится наше отсутствіе. Входя на другой день въ министерскій вагонъ почтоваго поѣзда, по приглашенію генераль-адъютанта Анненкова, чтобы ему сопутствовать, я увидѣлъ вошедшаго за нами туда же чиновника Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и узналъ, что онъ командированъ въ составъ нашей комиссіи. Тутъ только изъ общей бесѣды дорогою я познакомился съ предстоявшимъ намъ дѣломъ и съ принятыми правительствомъ предварительными мѣрами по этому порученію.

Но и такія испытанія, по понятіямъ и свойствамъ графа Панина, не давали еще испытуемому права на какое нибудь его особое довѣріе. Полнымъ его довѣріемъ пользовался одинъ только Михаилъ Ивановичъ Топильской, посвятившій богѣ двадцати лѣтъ послѣдняго періода своей жизни можно сказать единственно на непрерывное исполненіе порученій графа *). Будучи сенаторомъ съ конца 1862 года, Топильской продолжалъ заниматься собственными дѣлами графа, и когда въ 1873 году внезапно сонелъ въ могилу, то графъ пережилъ его недолго (онъ кончилъ дни за границей 1 (12) Апрѣля 1874 года).

Назначеніе графа Панина председателемъ Редакціонныхъ Комиссій по крестьянскому дѣлу не могло не внушать нѣкотораго страха не только тѣмъ изъ членовъ комиссій, которые знали его

*) Какъ извѣстно, самая смерть скоропостижно застала М. И. Топильскаго въ то время, какъ онъ шелъ куда-то пѣшкомъ по порученію своего графа. М. И. Топильской былъ человѣкъ классически образованный и любившій въ краткіе свои досуги читать древнихъ авторовъ. Онъ былъ другомъ извѣстнаго латиниста Московскаго профессора А. М. Кубарева. Мнѣ случилось однажды провести съ М. И. Топильскимъ нѣсколько часовъ сряду въ непрерывной занимательной бесѣдѣ, въ которой онъ обнаружилъ большія познанія и въ Русскихъ древностяхъ. До того времени онъ не зналъ меня лично, и пришелъ я къ нему невзначай для него. Торопливо провелъ онъ меня въ свой длинный кабинетъ (Мойка, д. Калугина) прямо къ особому столу, на которомъ лежало нѣсколько связокъ съ бумагами и надписями на пухъ: „По смерти моей П. И. Бартевеу въ Русскій Архивъ“. (Я и до сихъ поръ не могу получить этихъ бумагъ).—Топильской, по женскому колѣну, происходилъ отъ славнаго дѣльца при Петрѣ Великомъ Макарова и находился въ родствѣ съ князьями Волконскими. Замѣчательно, что отецъ и дѣдъ его тоже служили при графахъ Паниныхъ прошлаго столѣтія, такъ что эта приверженность была родовая и историческая. У насъ сохранилось нѣсколько любопытныхъ писемъ М. И. Топильскаго, вошедшаго въ сношенія съ „Русскимъ Архивомъ“ по порученію графа Виктора Никитича, который сообщалъ намъ нѣкоторыя бумаги и письма изъ своего архива, а также письма графа Румянцова-Задунайскаго къ его дѣду-дядѣ графу Н. И. Панину (Р. Арх. 1871—1882). П. В.

ближе, но и огромному большинству тѣхъ, которые, не зная его вовсе, слышали отъ другихъ неумолкавшіе тогда рассказы о немъ.

Между тѣмъ къ назначенію его предсѣдателемъ комиссій представлялся не одинъ поводъ. Ближе всего къ крестьянскому дѣлу стояла особая комиссія при Главномъ Комитетѣ, изъ четырехъ лицъ, тогда министровъ: внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланскаго, государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьева, юстиціи—графа В. Н. Панина и генераль-адъютанта Ростовцова. Последняго не стало, а за устраненіемъ естественной кандидатуры двухъ первыхъ оставался одинъ графъ Панинъ.

Начала освобожденія крестьянъ, которыя легли въ основу уже разработаннаго тогда до нѣкоторой степени проекта, были поддерживаемы одобреніемъ Государя и не составляли тайны; потому что печатные экземпляры трудовъ Редакціонныхъ Комиссій, по мѣрѣ ихъ изготовленія, рассылались по всей Россіи.

Не сочувствовало имъ собственно только большинство высшаго дворянства *), желавшаго естественно удержать свое первенствующее положеніе въ строѣ государственной жизни и мечтавшее о дарованіи дворянству, по поводу освобожденія крестьянъ, какъ бы феодальныхъ правъ надъ ними, по образцу того какъ это было въ государствахъ Западной Европы, напримѣръ патримоніальной юрисдикціи, — правъ, которыя никогда у насъ не существовали, такъ какъ за проступки и преступленія помѣщичьи крестьяне судились общимъ для всѣхъ сословій правительственнымъ уголовнымъ судомъ; а гражданскихъ дѣлъ у крѣпостныхъ людей и возникать не могло, потому что въ силу закона они до 1847 года не имѣли никакой собственности, а съ этого времени было имъ дозволено пріобрѣтать земли лишь на имя своихъ помѣщиковъ. Поэтому одно только высшее дворянство, стоявшее довольно далеко отъ народа съ тѣхъ поръ почти какъ въ Европу Великимъ Преобразователемъ «было прорублено окно», могло враждебно относиться къ комиссіямъ и было въ силахъ оказывать еще какое нибудь сопротивленіе, или по крайней мѣрѣ вы-

*) Не самому дѣлу раскрыпощенія, а тому, какъ оно поведено, не сочувствовали также нѣкоторые лучшіе люди того времени. Какъ извѣстно, великое преобразованіе грузнуло въ писмонодственныхъ околичностяхъ и въ тоже время мельчало въ тонкихъ измышленіяхъ. Такіе голоса, какъ напр. А. С. Хомякова не были выслушаны, и законъ, опредѣлявшій судьбу безграмотныхъ людей, написали такъ, что и грамотный человѣкъ затруднялся понимать его. П. Б.

ражать явно неудовольствіе за проведеніе тѣхъ основаній, которыя не согласовались съ его взглядами и желаніями, весьма впрочемъ неопредѣленными, по малому его знакомству вообще съ настоящимъ бытомъ Россіи, желаніями часто даже неосуществимыми. Въ такомъ случаѣ нельзя было и придумать ничего лучшаго какъ поставить во главѣ Редакціонныхъ Коммиссій такое лицо, которое по своему рожденію, положенію и понятіямъ принадлежало бы къ кругу высшаго дворянства, чтобъ это послѣднее не имѣло повода жаловаться на то, что для довершенія реформы (касающейся, послѣ самихъ крестьянъ, преимущественно дворянства) былъ поставленъ не его представитель, а человѣкъ другого круга, слѣдовательно такой, который могъ бы быть враждебенъ высшему дворянству. Требовалось однако, чтобъ это лицо (сочувствовало ли бы оно или нѣтъ намѣреніямъ и желаніямъ Государя) стремилось неуклонно осуществить его державную волю, и такимъ лицомъ, совмѣщающимъ всѣ эти условія, представлялся графъ В. Н. Панинъ. Такъ или иначе, но выборъ Государя остановился окончательно на немъ.

Назначеніе графа Панина предсѣдателемъ комиссій по крестьянскому дѣлу послѣдовало 11 Февраля 1860 года. Первое о томъ офиціальное извѣстіе дошло до большинства членовъ комиссій въ засѣданіи хозяйственнаго отдѣленія, въ сборномъ залѣ бывшаго Перваго Кадетскаго Корпуса, мѣстѣ собраній членовъ въ общія присутствія. Предсѣдательствовавшему въ этомъ отдѣленіи Николаю Алексѣвичу Милютину поданъ былъ пакетъ, привезенный курьеромъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ, съ офиціальнымъ извѣщеніемъ о назначеніи предсѣдателемъ комиссій графа В. Н. Панина. Всѣ присутствовавшіе были поражены неожиданностью, и большинство ихъ пришло въ неописанное смущеніе.

Какъ не принимавшій участія въ засѣданіяхъ хозяйственнаго отдѣленія, я ничего еще не зналъ объ этомъ, когда въ тоже число, 11 Февраля вечеромъ, получилъ записку отъ Топильскаго прибыть къ нему на другой день, по порученію графа, къ 8 часамъ утра. По приѣздѣ моемъ въ указанное время, 12 Февраля, Топильской ввелъ меня тотчасъ въ свой кабинетъ, усадилъ за письменный столъ и, положивъ передо мною чистую бумагу, сказалъ: «Пишите; время намъ тратить нельзя, его у насъ немного; въ 11 часовъ я уже долженъ быть у графа, чтобы представить ему то, что вы напишете. Онъ проситъ васъ описать ему весь составъ комиссій—имена, отчества и фамиліи членовъ, ихъ положеніе, кто на службѣ и гдѣ? Въ какомъ кто чинѣ и какіе имѣетъ знаки отличія? Какой заведенъ у васъ по-

рядокъ занятій? Ходъ дѣла, въ какомъ оно находится положеніи, и еще чтò вы сами признаете нужнымъ объяснить графу». Я позволилъ себѣ спросить, для чего именно это нужно графу, чтобы сообразно тому изложить мою записку. Топильской: «Я не могу теперь ничего вамъ сказать кромѣ того, что *Государь приближаетъ къ себѣ графа*». За тѣмъ онъ быстро удалился, затворивъ за собою плотно дверь кабинета.

Оставшись одинъ, я принялся писать; но работа двигалась медленно, потому что я долженъ былъ перебирать наизусть по имени, отчеству и фамилии всѣхъ членовъ, которыхъ число было около 40, да еще припоминать ихъ атрибуты, подъ страхомъ кого нибудь или что нибудь о нихъ пропустить. Я долженъ былъ сообразить чтò и какъ у насъ дѣлалось, подбирая нѣкоторыя подробности, и все это такъ сказать въ попыткахъ.

Топильской въ продолженіе моей работы раза три отворялъ ко мнѣ дверь вполонину и высовывалъ голову съ вопросомъ: «готово ли у васъ?» по полученіи же моего отрицательнаго отвѣта удалялся.

Въ 11 часовъ безъ четверти я кончилъ мое писаніе (на двухъ листахъ) и вошедшему Топильскому сказалъ, что готово и надо только переписать: у меня было довольно помарокъ, а сверхъ того отъ торопливости Топильскаго опрокинулась чернилица, и образовалось на моемъ листѣ чернильное пятно значительнаго размѣра. Онъ однако отвѣчалъ мнѣ: «Нѣтъ, уже переписывать намъ некогда. Я сію минуту долженъ быть у графа», а на мое замѣчаніе, что неприлично такъ подать ему записку, сказалъ: «Это ничего, такъ надо, графъ приказалъ представить ее какъ она будетъ написана вчернѣ». Затѣмъ, взявши записку, онъ поспѣшно ушелъ. Эта записка къ моему удовольствію вполне удовлетворила графа, и онъ поручилъ Топильскому выразить устно мнѣ за нее свою особую признательность.

Въ тотъ же день, 12 Февраля, зашелъ ко мнѣ братъ Петръ Петровичъ *) чтобы сообщить о назначеніи предсѣдателемъ комиссій графа Панина, и я рассказалъ ему о случившемся со мною. Братъ остался у насъ обѣдать, и когда мы сѣли за столъ, раздался звонокъ и вошелъ курьеръ опять съ запискою ко мнѣ отъ Топильскаго, просившаго меня пригласить брата заѣхать къ графу Панину на другой день 13 Февраля, между тремя и пятью часами пополудни, по приказанію самаго графа. (Мѣстожителство брата было еще неизвѣстно

*) Бывъ членомъ комиссій по крестьянскому дѣлу, П. П. Семеновъ завѣдывалъ въѣздъ съ тѣмъ состоявшею при комиссіяхъ канцеляріей.

въ Министерствѣ Юстиціи). Я тутъ же имѣлъ случай передать это приглашеніе брату, при чемъ старался дать ему понятіе о характерѣ и свойствахъ графа и предупредилъ его, чтобы онъ въ рѣчахъ и обращеніи былъ съ нимъ осторожнѣе, чтобы не случилось чего такого, что не понравилось бы ему, и чтобы съ первыхъ же шаговъ своего знакомства графъ не сдѣлался недовѣрчивъ и не отдалилъ бы его отъ себя ¹⁾).

13 Февраля въ назначенное время братъ имѣлъ первое свое свиданіе съ графомъ Панинымъ, который встрѣтилъ его съ предупредительной вѣжливостью и благосклонностью и просилъ его объяснить ему всю сущность крестьянскаго дѣла и взгляды на него покойнаго Ростовцова. Хотя братъ старался изложить ему *сжато* всѣ предположенія комиссій, но все-таки ему пришлось говорить долго. Графъ слушалъ его съ напряженнымъ вниманіемъ, останавливая брата тамъ, гдѣ ему было что нибудь непонятно, и просилъ повторенія или объясненія.

За тѣмъ онъ спросилъ, кого Ростовцовъ назначалъ себѣ въ преемники, и какъ онъ вообще судилъ объ отношеніяхъ высшихъ государственныхъ лицъ къ крестьянскому вопросу? Братъ отвѣчалъ, что Ростовцовъ очень озабочивался вопросомъ о назначеніи ему преемника, перебиралъ всѣхъ имѣвшихъ отношеніе къ крестьянскому дѣлу высокопоставленныхъ въ служебной іерархіи лицъ, но окончательно ни на комъ не остановился ²⁾). По этому поводу обнаружилось однакоже вполнѣ мнѣніе покойнаго объ отношеніяхъ къ крестьянскому дѣлу большинства тогдашнихъ государственныхъ дѣятелей.

За тѣмъ графъ В. Н. Панинъ передалъ брату, что Государь, давая нѣкоторыя указанія по возложенному на него графа столь важному дѣлу, поручилъ ему между прочимъ сблизиться съ братомъ, а такъ какъ всякое сближеніе должно начаться съ полной откровенности, «такъ чтобы не было (какъ онъ выразился) поставлено и стекла между нами», то графъ просилъ брата быть съ нимъ совершенно откровеннымъ и сообщить ему въ подробности, что думалъ Ростовцовъ о немъ и объ его отношеніяхъ къ крестьянскому дѣлу?

Братъ объяснилъ, что затрудняется отвѣчать на этотъ вопросъ, потому что былъ съ Ростовцовымъ въ такихъ отношеніяхъ, что тотъ

¹⁾ Нижеслѣдующее сообщено мнѣ тогда же самимъ братомъ моимъ П. П. Семеповымъ и пывъ имъ проверено.

²⁾ Ходили слухи, что Ростовцовъ останавливался мыслію на графахъ П. Д. Киселевѣ, Н. Н. Муравьевѣ-Амурскомъ и на Великому Князѣ Константины Николаевичѣ. П. Б.

не скрывалъ отъ него ничего и даже мимолетныхъ своихъ впечатлѣній, а потому боится, чтобъ не передать такихъ своихъ отзывовъ: а которыхъ самъ Ростовцовъ при жизни не желалъ бы, чтобы они дошли до графа, а передавать невѣрно считаетъ онъ противнымъ своей совѣсти. Графъ Панинъ однакоже такъ настаивалъ, что братъ сказалъ ему, что въ такомъ случаѣ ему остается только оправдать довѣріе къ нему графа полною откровенностью. Братъ началъ съ того, что Ростовцовъ никогда не указывалъ на него, какъ на преемника себя по предсѣдательству въ Редакціонныхъ Коммиссіяхъ, оттого, что считалъ его по его характеру и складу мыслей мало сочувствующимъ дѣлу освобожденія крестьянъ, а еще и потому что не могъ себя представить графа, столь недоступнаго и нелюдимаго, столь мало уважающаго мнѣнія людей стоящихъ ниже его по общественному ихъ положенію, въ качествѣ руководителя работъ коллегіи людей независимыхъ и призванныхъ къ участию въ великомъ дѣлѣ довѣріемъ Государя; но Яковъ Ивановичъ Ростовцовъ безусловно рассчитывалъ на содѣйствіе графа въ Главномъ Комитетѣ, потому что считалъ его высокочестнымъ человѣкомъ, искренно преданнымъ отечеству и Государю, волю котораго графъ готовъ жертвовать своими личными убѣжденіями. При этомъ Ростовцовъ говорилъ еще, что, будучи крупнымъ и притомъ великодушнымъ помѣщикомъ, графъ не задумается принести для пользы отечества великія матеріальныя жертвы, памятуя, что *noblesse oblige* и конечно не будетъ стоять за мелкіе меркантильные интересы, руководившіе мнѣніями многихъ депутатовъ и даже цѣлыхъ губернскихъ комитетовъ. Тѣмъ болѣе Яковъ Ивановичъ былъ увѣренъ, что еслибы, въ силу принципиальной и личной преданности Государю, графъ принялъ на себя передъ Государемъ какія либо обязательства по отношенію къ проведенію дѣла въ Главномъ Комитетѣ, то онъ исполнилъ бы ихъ свято и нерушимо. Ростовцовъ отдавалъ также справедливость высокому образованію и многимъ блестящимъ дарованіямъ графа, но вмѣстѣ съ тѣмъ считалъ его крайне непрактичнымъ человѣкомъ, совершенно незнакомымъ съ бытомъ народа. Эта непрактичность и незнакомство съ народнымъ бытомъ зависѣли, по мнѣнію Ростовцова, отъ той недоступности графа, отъ того постоянного нахожденія въ искусственно - замкнутой сферѣ, которыя препятствовали всякому его общенію съ живыми людьми и съ умственными явленіями жизни и вынудили немногихъ окружающихъ его, даже умныхъ и честныхъ людей утратить по крайней мѣрѣ въ своихъ сношеніяхъ съ графомъ не только всякую свободу мнѣнія, но даже до нѣкоторой степени и чувство человеческого достоинства. При такихъ условіяхъ свѣтъ истины не могъ доходить до графа, и всѣ

прирожденныя его достоинства и дарованія оставались безъ достаточнаго приложенія къ дѣлу.

Графъ Панинъ слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ, и когда братъ кончилъ, послѣ нѣкотораго молчанія, сказалъ, что самъ можетъ быть подалъ поводъ къ такому о себѣ мнѣнію, что опъ не можетъ дать себѣ отчета какъ это сдѣлалось и что удаленіе его отъ людей происходило постепенно и незамѣтно. Онъ разсказалъ брату о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ своей служебной карьеры и заключилъ тѣмъ, что хорошо понимаетъ, что предстоящее ему дѣло такого рода, что ему «нуженъ свѣтъ со всѣхъ сторонъ», что употребить всѣ усилія, чтобъ въ этомъ отношеніи уничтожить всякое противъ него предубѣжденіе и надѣется, что члены Редакціонныхъ Коммиссій будутъ имъ довольны.

Затѣмъ онъ просилъ брата до времени не сообщать никому изъ членовъ коммиссій этого разговора, который прежде всего онъ считаетъ своимъ долгомъ передать полностью Государю, такъ какъ положилъ себѣ во всемъ этомъ дѣлѣ ничего отъ него не утаивать и чтобъ обо всемъ, до этого дѣла относящемся, онъ узнавалъ первый.

Въ слѣдствіе зародившагося во мнѣ сомнѣнія, не сказалъ ли братъ, по совершенному его незнанію свойствъ и характера графа Панина, въ разговорѣ съ нимъ, чего нибудь лишняго, что могло бы ему не понравиться и оставить въ немъ такое впечатлѣніе, которое нескоро изгладилось бы у него изъ памяти и могло бы даже отозваться и на ходѣ дѣла въ коммиссіяхъ, я на другой же день 14 Февраля отправился къ Топильскому, къ 7-ми часамъ вечера, когда онъ имѣлъ обыкновеніе пить чай въ кругу своей семьи. Никого изъ постороннихъ у него не было, а изъ мужчинъ насъ двое.

Лишь только я принялъ изъ рукъ хозяйки чашку чая, какъ спросилъ Михаила Ивановича: «Знаете ли вы, что мой братъ говорилъ вчера утромъ графу, когда, по его приглашенію, былъ у него для объясненій по крестьянскому дѣлу?» Тогда Михаилъ Ивановичъ внезапно вскочилъ съ своего стула, протянулъ обѣ руки по направленію къ дверямъ и воскликнулъ: «пожалуйте, пожалуйста!» Затѣмъ онъ побѣждалъ впереди меня, чрезъ сосѣднія комнаты, въ кабинетъ, и какъ только я успѣлъ войти за нимъ, крѣпко притворилъ дверь. «Теперь мы одни, насъ никто здѣсь не услышитъ. Что вамъ угодно было меня спросить?» Я повторилъ свой вопросъ слово въ слово. Онъ отвѣчалъ: «Какъ вамъ сказать,—не знаю». — «Такъ вы не знаете, что братъ говорилъ графу?» — «Нѣтъ, я не то хотѣлъ сказать; а я не знаю, что вамъ сказать объ

этомъ». Я объяснилъ ему: «Я не желалъ бы вовсе быть нескромнымъ и спрашиваю васъ не о томъ, что братъ говорилъ графу, а о томъ только, передалъ ли вамъ графъ этотъ разговоръ и знаете ли вы его содержаніе?» Послѣдовало молчаніе, въ продолженіе котораго Топильской какъ бы углублялся въ себя и наконецъ произнесъ: «Мы здѣсь одни. Ради Бога не говорите никому объ этомъ; графъ не приказалъ рассказывать—*знаю*.»—«За тѣмъ у меня еще одинъ и послѣдній вопросъ: Хорошо ли поступилъ братъ, побесѣдовавъ можетъ быть слишкомъ откровенно съ графомъ, котораго онъ совсѣмъ не знаетъ? Графу иное могло бы показаться не совсѣмъ пріятнымъ». Топильской: «Нѣтъ, такъ надо было; вѣдь и для графа настало теперь переходное состояніе» *). Послѣ этого, отворивъ дверь кабинета, Топильской приглашеніемъ: «пожалуйте» возвратилъ меня къ чаю.

14 Февраля братъ былъ у Великаго Князя Константина Николаевича для представленія ему, съ соизволенія Государя, копій, которую онъ желалъ имѣть съ записки Ростовцова, оставшейся послѣ его кончины. Великій Князь сообщилъ брату, что, еще прежде назначенія графа Панина председателемъ комиссій, Государь внимательно изслѣдовалъ что вокругъ него дѣлается и что думаютъ его приближенные, что рѣшимость Государя назначить графа Панина преемникомъ Ростовцову была извѣстна ему Великому Князю, до переговоровъ съ графомъ Панинымъ, что еще до этого графъ Панинъ говорилъ Государю, что сочувствуетъ направленію комиссій, изложенному въ

*) Выраженіе—*переходное состояніе* было подхвачено въ юмористическомъ значеніи, прежде всего, кажется, въ средѣ комиссій, но поводу сочинявшагося тогда для крестьянъ переходнаго состоянія или срочно-обязаннаго періода, который былъ преподавъ Главнымъ Комитетомъ по крестьянскому дѣлу и въ программѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, разосланной при Высочайшихъ рескриптахъ 1857 г. для руководства губернскимъ комитетамъ. Въ послѣдствіи это изреченіе уже въ другомъ, серьезномъ смыслѣ, получило право гражданства въ нашей повременной литературѣ и служило къ затемненію здравыхъ понятій, со многими другими, усвоенными печатью выраженіями, которымъ можно было бы и полезно составить словарь, какъ-то: *послѣднее слово науки, общественная совесть* (выраженіе не существующее ни на какомъ другомъ Европейскомъ языкѣ и не переводимое) и т. п.; а когда стали уже довольно явственно обнаруживаться многія глубокія прорухи и неудачи при осуществленіи реформъ, слѣдовавшихъ за освобожденіемъ крестьянъ, то противники здраваго смысла старались печатно и устно успокоивать приходившихъ все болѣе и болѣе въ расстроенное и тяжелое положеніе Русскихъ гражданъ тѣмъ, что такъ и быть должно послѣ обширныхъ и мудрыхъ преобразованій, что мы находимся въ *переходномъ состояніи*, изъ котораго будто бы сами собою естественно выйдемъ на путь всякаго благополучія и государственнаго и гражданскаго преуспѣянія, и не было тогда недостатка въ блаженныхъ своихъ вѣрованіяхъ.

запискѣ Ростовцова, что это главнымъ образомъ и побудило Государя остановить свой выборъ на немъ; что Государь, объявляя объ этомъ графу Панину, сказалъ: «Помните все что вы мнѣ говорили. На выраженныхъ условіяхъ только вѣрю я вамъ это дѣло. Ведите все такъ какъ было. Я всегда считалъ васъ честнымъ человѣкомъ, и мнѣ въ голову никогда не приходило, чтобъ вы могли меня обмануть.»

Великій Князь прибавилъ къ этому, что Панинъ очень хорошо знаетъ, что для него все зависитъ отъ точнаго исполненія поставленныхъ ему Государемъ условій, и что о неприятномъ впечатлѣніи, которое произвело на комиссіи назначеніе его ихъ предсѣдателемъ, извѣстно всѣмъ въ кругу царской семьи, что онъ Великій Князь слышалъ даже, что многіе изъ членовъ комиссій хотѣли выходить, и поэтому поручаетъ брату моему Петру Петровичу Семенову просить ихъ всѣхъ не дѣлать этого, такъ какъ Государь очень твердъ въ своемъ намѣреніи довести трудъ до конца и очень хорошо знаетъ, въ чемъ сущность дѣла *).

17-го Февраля курьеръ Министерства Юстиціи заходилъ ко мнѣ отыскивая брата, и 18-го числа на другой день братъ былъ вторично у графа Панина, а за тѣмъ былъ опять у него 22-го и 23-го Февраля. Графъ назначилъ ему явиться къ себѣ еще и 28-го Февраля.

На этомъ приближеніе брата къ графу кончилось, и въ послѣдующее время, кромѣ свиданій въ общихъ присутствіяхъ комиссій, сношенія его съ графомъ остались большею частію письменныя и происходили чрезъ посредство М. И. Топильскаго или еще одного изъ прикомандированныхъ къ графу молодыхъ чиновниковъ Министерства Юстиціи для занятій по крестьянскому дѣлу, Бориса Николаевича Хвостова (впослѣдствіи бывшаго сенаторомъ и нынѣ уже умершаго).

Само собою разумѣется, что такой порядокъ не облегчалъ, а лишь затруднялъ сношенія и подавалъ поводъ къ различнымъ, иногда совершенно комическимъ недоразумѣніямъ.

Изъ членовъ комиссій графомъ были еще допущены до особаго у него и отдѣльнаго приѣма: Булгаковъ, замѣщавшій предсѣдателя комиссій во все время тяжелой болѣзни Ростовцова, и Жуковский, какъ тогдашній правитель дѣлъ въ Главномъ Комитетѣ по крестьянскому дѣлу. Графъ приглашалъ къ себѣ и Милютину; но тотъ отозвался

*) На оглашеніе этихъ подробностей получено нами соизволеніе отъ Его Императорскаго Высочества изъ Оранды, отъ 2-го Ноября сего года. П. В.

болѣзнію и потому у него не былъ. Остальные наличные члены комиссій, по уговору между собою, ѣздили къ графу Панину росписываться 25-го Февраля, послѣ общаго собранія комиссій, состоявшагося 24-го Февраля, на которомъ графъ присутствовалъ въ первый разъ.

21-го Февраля въ Воскресенье, члены губернскихъ комитетовъ (депутаты втораго приглашенія) были представлены Государю. Рѣчь, которую Государь произнесъ имъ, была напечатана въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (28-го Февраля, Воскресенье, № 45 за 1860-й годъ).

Еще передъ тѣмъ графъ Панинъ выразилъ желаніе познакомиться съ депутатами перваго призыва и назначилъ имъ день приѣма за просто, во фракахъ, на 22-е Февраля въ 12 съ полов. часовъ, въ домъ Министерства Юстиціи. Депутаты съѣхались однако въ назначенное время, кто въ полной, кто въ полу-формѣ, кто просто во фракѣ. Нѣкоторые по недоразумѣнію явились было въ собственный домъ графа, гдѣ онъ жилъ тогда; но имъ указали путь въ домъ министерства.

Чиновникъ въ аванзалѣ, переписавъ имена, чины, фамиліи и губерніи депутатовъ, пригласилъ ихъ въ пріемную залу, куда вскорѣ вышелъ графъ и обратился къ нимъ съ рѣчью, которая была ими тутъ же записана и вмѣстѣ со свѣдѣніями о пріемѣ сообщена мнѣ членомъ комиссій А. Д. Желтухинымъ:

«Господа! Слова Государя Императора должны быть глубоко вѣзаны въ памяти каждаго изъ васъ; мнѣ остается ихъ повторить, и въ качествѣ предсѣдателя Редакціонныхъ Коммиссій добавить, что прямая наша обязанность трудиться для столь важнаго дѣла единодушно и какъ бы *семейно*, имѣя въ виду главную цѣль по выраженію Государя Императора—благо Россіи. При этомъ долгомъ считаю обратить ваше вниманіе и на то, что всѣ дѣйствія и труды, какъ я сказалъ по нашему семейному дѣлу, должны оставаться между нами безъ разглашенія; въ особенности не слѣдуетъ ничего сообщать за границу. Равно считаю полезнымъ для дѣла указать и на то, что по убѣжденію моему въ подлежащемъ вопросѣ значительно вредили съ одной стороны неосновательныя опасенія дворянъ, съ другой несбыточныя ожиданія крестьянъ; то и другое мы должны сколь возможно устранять.

«Депутаты перваго призыва увлеклись своими взглядами на вопросъ и нерѣдко укоряли Редакціонныя Коммиссіи опрометчиво и неосновательно. По моему мнѣнію вамъ не слѣдуетъ впадать въ тѣже самыя ошибки и, не придерживаясь прошедшаго, надѣежись заняться

только настоящимъ въ нашемъ дѣлѣ, сохраняя сколь возможно вашимъ собственнымъ убѣжденіямъ.

«По моимъ обширнымъ занятіямъ я не могъ внимательно слѣдить за дѣйствіями Редакціонныхъ Коммиссій; въ настоящее же время я посвящаю себя исключительно на всестороннее изученіе трудовъ ея. Повторяю, намъ прошедшее не нужно для дѣла; мы должны пристально заняться настоящимъ, и какія бы ни были убѣжденія каждаго изъ насъ, всѣмъ намъ слѣдуетъ стремиться къ главному: озаботиться обезпеченіемъ быта нашихъ крестьянъ, не упуская изъ виду, что за нихъ нѣтъ между нами представителей, и потому намъ самимъ предлежитъ отстаивать ихъ.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ мы не должны забывать, что богатымъ людямъ, какъ я напримѣръ, ни въ какомъ случаѣ переворотъ не будетъ слишкомъ ощутителенъ; но что наша обязанность озаботиться положеніемъ неимущихъ дворянъ, оградить исключительно ихъ интересы.

«Инструкція 11-го Августа положительно опредѣляетъ обязанности ваши въ предстоящихъ работахъ ¹⁾.

«Надѣюсь, что вы согласно оной выполните добросовѣстно все на васъ возложенное.

«Кому нужно будетъ меня видѣть, двери мои отворены; но въ настоящее время я принимать васъ не могу по причинамъ, которыя сейчасъ же объясню: у каждаго изъ васъ могутъ быть убѣжденія не всегда согласныя съ моимъ убѣжденіемъ; слѣдовательно въ таковыхъ столкновеніяхъ различныхъ взглядовъ на вещи утратилось бы только много времени, безъ всякой пользы. Сверхъ того могли бы полагать со стороны, что я раздѣлилъ одно изъ таковыхъ убѣжденій и что нахожусь подъ исключительнымъ его вліяніемъ.

«Остается мнѣ, въ видѣ предостереженія, сообщить вамъ еще слѣдующее. Извѣстно мнѣ, что многіе изъ васъ бывають у графа Шувалова, у котораго передъ выборами собираются Петербургскіе дворяне и множество постороннихъ лицъ ²⁾. Они могутъ имѣть въ предметѣ составленіе различныхъ предположеній, несогласныхъ съ началами, по которымъ мы работаемъ. Петербургскій комитетъ давно кончилъ свои занятія. Депутаты того комитета исполнили тоже обязан-

¹⁾ Эта инструкція напечатана въ трудахъ Комиссій. Второе изданіе матер. Ред. Ком. для составленія положеній о крестьянахъ. Санктпетербургъ, 1859 года т. I, кн. I, стр. 104—172.

²⁾ Графъ Петръ Павловичъ Шуваловъ, бывший членомъ Редакціонныхъ Коммиссій, былъ тогда и С.-Петербургскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства.

ность касательно проектовъ представленныхъ въ Редакціонныя Комиссіи; а потому всякое даже вмѣшательство въ предположенія Петербургскаго дворянства было бы совершенно бесполезно и только замедлило бы ходъ вашихъ собственныхъ занятій. Вообще я совѣтывалъ бы держаться своихъ убѣжденій, не увлекаясь сторонними внушеніями.

«Я кончилъ. Не имѣете-ли вы что сказать, господа?»

Нѣкоторые изъ депутатовъ спрашивали графа о срокахъ подачи ими отвѣтовъ на доклады по предстоящему дѣлу, объясняя, что дополнительные доклады хозяйственнаго отдѣленія (второго періода занятій комиссій), заключающіе въ себѣ главное и существенное для нихъ, имъ еще не доставлены; при томъ просили указать, какимъ путемъ слѣдуетъ представлять особыя мнѣнія и соображенія, которыя Государю Императору благоугодно было позволить депутатамъ подавать, сверхъ отвѣтовъ на предложенные имъ, согласно инструкціи, вопросы.

Графъ объявилъ, что доклады хозяйственнаго отдѣленія будутъ въ скорости имъ доставлены. Относительно срока представленія ими отвѣтовъ онъ сказалъ, что, судя по своей привычкѣ работать, онъ считаетъ достаточнымъ двухнедѣльный срокъ; касательно же соображеній и особыхъ мнѣній, дозволенныхъ Его Величествомъ, замѣтилъ: «Каждому изъ насъ должно быть извѣстно, что слова Государя Императора не подлежатъ никакимъ комментаріямъ; но если говорить о дѣлѣ, то я скажу, что его слѣдуетъ вести логично, т. е. согласно инструкціи 11-го Августа, и дѣйствовать по точному смыслу въ ней выраженному».

Этимъ кончился пріемъ депутатовъ и ограничилось ихъ знакомство съ новымъ предсѣдателемъ комиссій по крестьянскому дѣлу. Они вышли отъ графа смущенные и въ недоумѣніи.

Рѣчь его была къ-мъ-то сообщена Герцену, но въ другомъ ея изданіи. Ради исторической точности и для слпченія съ приведеннымъ изложеніемъ, которое, безъ сомнѣнія, уже по характеру и теченію предложеній, слѣдуетъ считать болѣе вѣрнымъ, я привожу рѣчь и въ томъ видѣ, какъ она была напечатана въ «Колоколѣ» за 1860 годъ 15-го Апрѣля, №№ 68 и 69.

«Слова графа Виктора Панина департаментамъ:

«Господа! Вы помните слова Государя Императора; я ихъ глубоко запечатлѣлъ въ моей памяти и буду дѣйствовать сообразно имъ. Вы знаете, что предположенія Редакціонной Комиссіи еще не утверждены, а потому не могу сказать ничего ни *успокоительнаго*, ни *благо-*

приятнаго для васъ и надѣюсь, что вы воздержитесь отъ всего, что можетъ возбудить *большія надежды или опасенія* въ дворянствѣ; хотя самъ *богатый* помѣщикъ, я не забуду интересы помѣщиковъ *небогатыхъ* и помня, что крестьяне не имѣютъ здѣсь своихъ представителей, я буду имѣть въ виду выгоды ихъ, тѣмъ болѣе, что вполне убѣжденъ, что дѣло не можетъ обойтись безъ жертвъ со стороны дворянъ. Это дѣло, господа, наше *частное, семейное*; оно не должно выходить отсюда, а потому не надо *распространять его, а тѣмъ болѣе писать объ немъ* за границу. Теперь я имѣю къ вамъ еще просьбу, господа. Я слышалъ, что многіе изъ васъ собираются у графа Шувалова, гдѣ дворянство готовится къ выборамъ; а потому я прошу васъ *прекратить ваше посѣщеніе, потому что тамъ будутъ стараться за- влечь васъ.*

«Дверь моя вамъ всегда открыта, для всѣхъ и каждаго; но я прошу васъ *не посѣщать меня*, чтобъ не подать поводъ къ толкамъ, что я нахожусь подъ вліяніемъ того или другаго. Итакъ, господа, совѣтую вамъ заниматься. Господа, въ этомъ отношеніи я имѣю навѣкъ: нѣтъ такого важнаго государственнаго дѣла, котораго нельзя было бы окончить въ четырнадцать дней».

Полагаю, что все вышеизложенное, имѣя историческое значеніе, послужить будущему біографу такого достопамятнаго лица, какимъ былъ министръ юстиціи графъ Викторъ Никитичъ Панинъ.

Николай Семеновъ.

Апшатка, на Южномъ берегу Крыма.
Осень 1887.

